

ЛБ 41 27

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ДУНГАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Дунгане — один из наименее изученных, антропологически и этнографически, народов СССР. До самого последнего времени данные об их физическом типе и культуре ограничивались неполными и устарелыми сведениями, собранными еще в прошлом веке.

Главной целью дунганской экспедиции 1945 г. и было заполнение этого крупного пробела в нашей науке или, точнее, начало такого заполнения, так как всестороннее изучение дунган, прошедших сложный и долгий путь исторического развития, — дело далеко не одного сезона летней полевой работы. В состав экспедиции вошли научные сотрудники Института этнографии — Н. Н. Чебоксаров (руководитель), Е. И. Махова и Н. П. Дебеч, а также студенты-этнографы старших курсов Московского гос. университета. В г. Фрунзе к москвичам присоединилась художница О. М. Мануйлова, оказавшая ценную помощь экспедиции своими зарисовками орнамента дунганских вышивок и резных деревянных украшений.

Работала экспедиция немного более месяца: с 30 августа по 5 октября. За это время обследованы дунганские поселения: Милянфан, Кантского района Фрунзенской области; Ырдык Джеты-огузского района Иссыккульской области (в 7 км от г. Пржевальска) и Шортюбе, Джамбульской области (первые два в пределах Киргизской ССР, последнее — на территории Казахстана). Для получения сравнительных материалов были посещены также живущие в окрестностях Пржевальска киргизы, уйгуры и калмыки. Активное участие в работах экспедиции приняли дунганские научные работники А. Магиев, зав. фермой колхоза «Дейшин», и Яншансин, лингвист и историк, научный сотрудник Киргизского филиала Академии Наук. Интересные сведения о происхождении и истории дунган сообщил также тов. Хасан Юсуров (Фрунзе).

Главное внимание экспедиции было обращено на изучение антропологического состава и материальной культуры дунган и соседних с ними этнических групп. Антропологическим обследованием по полной программе охвачено около 400 мужчин и женщин — дунган и калмыков, разбитых на четыре территориальные серии: ырдыкскую, шортюбинскую, милянфанскую и сборную калмыцкую.

Наиболее ценные этнографические материалы собраны по жилищу, национальной пище, одежде (преимущественно женской) и орнаменту. Всего снято 30 планов и разрезов домов, усадеб и хозяйственных построек, выполнено свыше 40 чертежей-выкроек различных частей

одежды, сделано много зарисовок орнамента и описаний обследованных культурных объектов (около 200 карточек).

Об истории формирования дунганской народности в Китае нам пока известно очень мало. Среди самих дунган циркулируют различные легенды «этногенетического» характера, частично записанные сотрудниками экспедиции. Согласно одной из наиболее распространенных легенд, в начале IX в. к китайскому императору во сне явился высокий человек в зеленом халате и чалме. Человек этот спас императора от напавшего на него чудовища и затем исчез. Утром придворные маги разложили 9 гаданий и объявили, что императора выручил из беды великий пророк «Ма», живущий далеко на западе. Богдыхан решил пригласить пророка к себе в Китай и послал в Аравию для выполнения этого поручения 300 человек. Однако пророк (иногда отождествляется с Мухаммедом) оставил посланных в своей стране, а в Китай отправил 3 тысячи арабов во главе с вождями Гесом, Весом и Вангасом. До конца пути дошел только Вангас, остальные вожди погибли в дороге, нарушив завет пророка, запретившего им показывать свою чудодейственную силу. Китайский император ласково принял арабов, похвалил их религию и торговые способности (!) и оставил у себя. Когда же через 3 года пришельцы стали проситься домой, ссылаясь на отсутствие в Китае жен, богдыхан устроил праздник, на который собрал красивейших девушек со всех концов государства. На седьмой день праздника арабам было предложено выбрать себе жен: каждый взял по 2—3 девушки. От них и пошли дунгане, для которых настоящие китайцы — дяди по матери («дюдю»). Китайки передали своим детям (от арабов-отцов) родные обычаи и язык: отсюда у дунган китайская речь и китайский быт. Самое слово «дунгане» или «тунгане» рассказчики легенды осмысляют как происшедшее от тюркского термина «тургани» — «оставшиеся», т. е. оставшиеся в Китае переселенцы из западных мусульманских стран.

В связи с этой легендой интересны мысли, высказанные дунганским научным работником Хасаном Юсуровым во время предварительного обсуждения итогов экспедиции в г. Фрунзе. Тов. Юсуров справедливо указывает, что название «дунгане» существует только в Северном Китае; в южных провинциях (Гуандун, Гуанси, Юньнань и др.) китайцев-мусульман так не называют. Объясняется это тем, что лишь на севере у китайских последователей ислама были тюркские соседи, которые могли применить термин «тургане» — «оставшиеся». Само проникновение мусульман в Китай совершалось, конечно, на протяжении нескольких столетий разными путями: южным, морским (главным образом через Кантон) и северным, материковым (через Среднюю Азию в Синьцзян и далее в Ганьсу и Шэньси). Каково было значение того и другого пути в истории дунган — можно будет решить только на основании сравнительного анализа антропологических, этнографических, лингвистических и исторических (в узком смысле слова) данных, относящихся к дунганам СССР и Китая, а также к соседним с ними народам. Кое-что в этом направлении дают материалы, собранные дунганской экспедицией.

В СССР (по данным переписи 1926 г.) около 15000 дунган. В пределах русской Средней Азии они появились в конце семидесятых годов прошлого столетия, когда после подавления мусульманских восстаний

в северо-западном Китае началось массовое переселение последователей ислама в Семиречье. Новые данные, записанные сотрудниками экспедиции на месте, в сопоставлении с прежними литературными материалами, позволяют набросать достаточно полную картину формирования отдельных групп дунганского населения Киргизии и Казахстана.

Одно из первых дунганских поселений на русской территории было основано в 1878 г. в урочище Каракуруз, в Южном Казахстане. Здесь обосновались под руководством Бэй-Ян-ху около 3300 чел., преимущественно выходцев из Шэньси, хотя и включивших в свой состав по пути в Семиречье некоторое число мусульманских жителей Ганьсу. Почти в то же время осела около Каракола в Ырдыке вторая группа дунган, преимущественно ганьсуйского происхождения. Третья группа, этнически очень смешанная, в том же году прошла в Ферганскую долину и устроилась недалеко от Оша в районе Карасу. Позднее попали в Семиречье илийские дунгане. В годы русской оккупации в Илийском крае (с 1871 г.) сложилось очень смешанное дунганское население, которое включало не только китайские, но и уйгурские элементы. После Петербургского трактата 1881 г. и отвода русских войск из Кульджи дунгане бассейна Или начали переселяться на русскую территорию. Процесс этот растянулся на два года (1882—1884): одна группа илийцев достигла района Аулие-Ата (теперь Джамбул), другая через Джаркент — Чилик — Верный (Алма-Ата) — Пишпек проникла в Сукулук (с. Александровское). Многие илийцы не дошли до конечных пунктов, отведенных для их расселения, но осели по пути в различных местах Казахстана и Киргизии. От своих соплеменников эти отставшие иммигранты получили наименование «дебазе» — «все время отстающие», которое нередко прилагается ко всем илийцам.

Происходили переселения и в дальнейшем. Из Каракуруза часть дунган переехала в Пишпек, часть — в Верный. В Верном каракурузские шэньсийцы в значительной степени ассимилировались с илийцами, утратив свое название и многие бытовые особенности, хотя и сохранив отдельную мечеть. Выходцами из Каракуруза был основан в 1914 г. поселок Шортюбе напротив Токмака, в котором в настоящее время насчитывается около 700 хозяйств. В Пишпек дунгане (преимущественно илийцы) населяли значительную часть города, сохранившую до наших дней название «Дунгановки». Они арендовали у киргизских манაпов пустующие земли в долине р. Чу, провели отводные и оросительные арыки и стали пионерами культуры риса в Северной Киргизии. На протяжении нескольких десятилетий в конце XIX и начале XX вв. пишпекские дунгане обрабатывали рисовые поля Чуйской долины наездом, частично переселяясь сюда на летнее время, но сохраняя постоянные жилища в городе. Только после проведенного советским правительством землеустройства в Средней Азии в 1926—1927 гг. около Канта возникли новые дунганские поселения Милянфан, Милянтан и Хунчи. Большая часть жителей этих поселений — илийцы из Пишпека, говорящие на ганьсуйском наречии.

Немало событий было и в жизни иссыккульских дунган. Во время казахского и киргизского восстания 1916 г. Ырдык был сильно разрушен, дунгане почти целиком ушли в Китай, а их дома были заселены (и частично перестроены) сначала киргизами, а затем русскими. Лишь с окончанием гражданской войны и созданием в Советской

Киргизии благоприятных условий экономического и культурного развития началось возвращение дунган из Китая на места прежнего обитания.

С 1930—1931 гг. дунгане вместе со всеми другими народами СССР перешли к переустройству своего хозяйства на коллективных началах. Многие дунганские колхозы существуют уже около 15 лет и заслуженно пользуются репутацией самых мощных, передовых и зажиточных в Киргизии. Основное занятие дунган — полеводство. Переселившись в Семиречье, они принесли с собой старинную китайскую культуру риса, являющегося и в наши дни главной сельскохозяйственной культурой в большинстве дунганских колхозов.

В Ырдыке риса не сеют из-за климатических условий. Здесь основные культуры — пшеница, ячмень и опийный мак. Последняя культура представляет особый этнографический интерес, так как она принесена дунганами из Китая и по многим техническим приемам повторяет китайские способы обработки. Огромную роль в дунганском хозяйстве играют также огородничество и плодородное садоводство. В число выращиваемых овощей входят: дунганская морковь, фасоль, дунганский лук, красный перец, дунганская капуста, дыни различных сортов, синие баклажаны, огурцы специфического китайского типа, арбузы, кольраби, сурепка и др. Способ обработки земли в огородах (по грядковой системе), а также некоторые земледельческие орудия имеют явно китайское происхождение и еще раз подтверждают глубокие связи дунган с Китаем и их отличие от всех других народов Средней Азии.

Из фруктов наиболее распространены среди дунган разнообразные сорта яблок, абрикосов, урюка, груш и слив. Почти при каждом хозяйстве имеется собственный фруктовый сад. Очень часто встречаются и цветочные клумбы, разбитые во дворе, перед фасадом дома. Любовь к цветам характерна для дунган и выражена у них даже сильнее, чем у китайцев (не говоря уже о других народах Средней Азии).

Большое значение в жизни дунган имеет производство различных пищевых продуктов, в особенности крахмальной лапши («фынтыоцзы»), вермишели и уксуса, пользующихся широким распространением в Средней Азии. Различные кушанья, приготовляемые из лапши с острыми приправами, а также всевозможные сорта сладкого мучного печенья дунган чрезвычайно сходны с китайскими. Одинаков с китайским и способ еды при помощи двух деревянных палочек.

Несмотря на то, что собранные экспедицией антропологические материалы полностью еще не обработаны, полевые впечатления в этом отношении оказались настолько яркими, что дают возможность притти к некоторым существенным выводам уже сейчас.

Первое, что бросается в глаза даже неспециалисту при самом первом знакомстве с физическим обликом дунган, это их резкое отличие от соседних среднеазиатских тюркских народов — киргизов и казахов. В сравнении с этими народами дунгане обладают заметно более высоким ростом (166—167 см), более темными волосами и глазами, менее развитой бородой, более долихоцефальной головой, гораздо более узким лицом, при большей его высоте. В то же время несомненно, что в основе антропологического состава дунган лежат монголоидные расовые типы: об этом ясно говорят такие характерные особенности, как прямая (часто тугая) форма волос, преобладание желтоватых оттенков кожи,

слабое развитие третичного волосяного покрова на лице и на теле, уплощенное лицо, сильная выраженность складки верхнего века и нередкое появление эпикантуса.

Антропологическое сопоставление дунган с северными китайцами показывает, что среди обоих народов преобладает один и тот же расовый тип, получивший в специальной литературе наименование «северокитайского». Для него характерно сочетание общего монголоидного облика с относительно высоким ростом, умеренной длинноголовостью (головной указатель 77—79) и сравнительно узким лицом (скуловой диаметр 141—143 мм). Однако наряду с огромным сходством между дунганцами и северными китайцами наблюдается и некоторое различие. Рост у дунган все же несколько ниже, волосы и глаза посветлее, борода развита несколько интенсивнее, складка верхнего века и эпикантус ослаблены и т. д. Более слабая выраженность монголоидных черт обычно связывается у дунган с прямыми, но мягкими, иногда даже волнистыми волосами и с заметным уменьшением размеров лица (как высотных, так и поперечных). Все это прямо указывает на присутствие в составе дунган каких-то европеоидных расовых типов, широко распространенных среди различных среднеазиатских народов, в особенности среди таджиков, частично также узбеков и туркмен.

Европеоидные примеси не могли понасть к дунганам от их ближайших современных соседей, недавних кочевников — киргизов и казахов, для которых характерно преобладание очень широколицего южносибирского типа. Более вероятно проникновение европеоидных элементов от различных народов Джунгарии и Кашгарии (в особенности от уйгур), с которыми дунгане соприкасались и, вероятно, смешивались еще до переселения в Семиречье. Главную роль среди европеоидных типов, вошедших в состав дунган, играл, вероятно, брахикефальный памироферганский элемент, широко распространенный у уйгур и других народов Синьцзяна.

Кроме основного северокитайского компонента и различных европеоидных примесей в составе дунган возможно констатировать присутствие еще одного расового типа — южноазиатского (малайского), вошедшего также в состав населения собственно Китая (особенно в южных провинциях). Южноазиатские черты сказываются у дунган в сочетании монголоидных особенностей с невысоким лицом, широким носом и низким, «расплывчатым» переносьем, утолщенными губами, небольшим альвеолярным прогнатизмом. Южноазиатские элементы могли проникнуть в бассейн Хуан-хэ в глубокой древности (возможно, еще в неолитическое время); их наличие в Китае хорошо согласуется со сложным, двойственным составом китайской культуры, которая наряду с северными элементами включает в очень большом количестве и южные.

К аналогичному заключению приводит анализ материалов по тем элементам культуры дунган, которые с наибольшей подробностью изучались экспедицией Института этнографии, т. е. по жилищу и одежде.

Дунганские постройки обследовались преимущественно в Ырдыке, где сохранились даже постройки, возведенные вскоре после переселения дунган из Китая. Строительными материалами служат дерево для каркаса всего сооружения и кровли, а также для некоторых элементов внутренней отделки (двери, оконные косяки и др.), глина для сырцовых кирпичей, из которых кладутся стены, камни для фундамента, камыш

или солома для крыши. Глину, камни и камыш берут поблизости от поселения, лесом служит тяньшанская ель, растущая неподалеку в горах. Дунганский дом всегда имеет форму вытянутого прямоугольника шириной в 4,5—6 м; длина его колеблется очень сильно в зависимости от числа внутренних помещений. Перед постройкой дома роют канаву для фундамента глубиной до 1 м и закладывают ее камнями. В углах и по длинным стенам на расстоянии 4—6 м друг от друга на круглых плоских камнях устанавливают парные столбы-подпорки, так что образуется прочный каркас, служащий опорой для крыши (по-дунгански «фон-

Рис. 1. Дунганский дом.

Колхоз „Дейшин“, с. Ырдык Джеты-огузского района, Иссыккульской обл.

дан»). Сама крыша может быть двускатной (иногда асимметричной) или уплощенной в центральной части, с двумя боковыми скатами; плоской она у дунган, в отличие от всех других народов Средней Азии, никогда не бывает. Опорой крыши служит система вертикальных подпорок или горизонтальных балок, поддерживаемых поперечными переводами, которые соединяют основные опорные столбы (по-дунгански «диндзе»). Стропильное покрытие встречается только на новых домах в Милянфане. Обычно центральная подконьковая слега (или две параллельных слег при плоско-двускатной крыше) лежит на вертикальных столбиках, стоящих на переводах. Кроме одной или двух центральных слег, бывают еще две боковые, укрепленные совершенно таким же образом. На слеге настилаются от конька к боковому краю кровли наклонные доски или жерди, на них кладется солома или камыш; сверху крыша засыпается землей.

Характерной особенностью дунганского дома (носящего китайское название «фонза») является то, что деревянный каркас, на котором покоится крыша, совершенно независим от стен, никогда не служащих опорой для кровли. Особенность эта тесно связывает дунганские постройки с северокитайскими и через них со столбовыми домами юго-

восточной Азии и Океании и в то же время резко отделяет китайско-дунганский комплекс жилища от среднеазиатского, в котором господствует плоская крыша, лежащая на толстых саманных или каменных стенах.

Стены дунганских построек («чон») всегда тоньше, чем среднеазиатских (35—40 см), делаются из чисто глиняного (а не саманного) кирпича и играют по существу роль материала, заполняющего промежутки между горизонтальными и вертикальными балками деревянного каркаса. Наличие в стенах больших проемов для окон и дверей также сбли-

Рис. 2. Внутреннее убранство дунганского дома.

Колхоз „Дейшин“

жает дунганское жилище с китайским (и дальневосточным вообще) и отделяет его от среднеазиатского, для которого типично очень слабое развитие окон.

По внутреннему плану дунганский жилой дом чаще всего бывает двух- или трехкамерным. Основные его элементы — всегда вытянутые в одну линию, кухня («туфон»), спальня («фифон») и парадная комната-светлица («кифон»). Иногда к ним присоединяется еще кладовая («чонфон»). Первоначально все эти помещения не сообщались между собой, но имели в фасадной стене дома выходы на двор или на крытую галлерею («лон-ян»), идущую вдоль всей этой стены и часто богато украшенную по карнизу резьбой по дереву с типичным китайским орнаментом (цветы, стилизованные изображения животных и птиц).

Двух- или трехкамерное жилище дунган служит обычно местобитанием одной семьи. При расширении семьи нередко к старому дому пристраиваются новые комнаты, так что вся постройка становится многокамерной и часто очень длинной. Кроме того, на дворе возводятся новые самостоятельные дома для женатых сыновей или младших братьев. В прошлом дунганский двор — всегда отделенный от улицы глинобит-

ными или кирпичными (сырцовыми) стенами — представлял собой замкнутый комплекс жилых и хозяйственных построек, принадлежавших одной большой патриархальной семье.

Главным элементом внутреннего устройства дунганского жилого дома является, несомненно, отопляемая лежанка — кан («кон»), занимающая обычно около трети каждой комнаты (за исключением кладовой). Верхний настил кана делается из особых квадратных (70×70 см) кирпичных плит, поддерживаемых кирпичными же столбами или стенками, образующими внутри лежанки нечто вроде змеевика. Высота

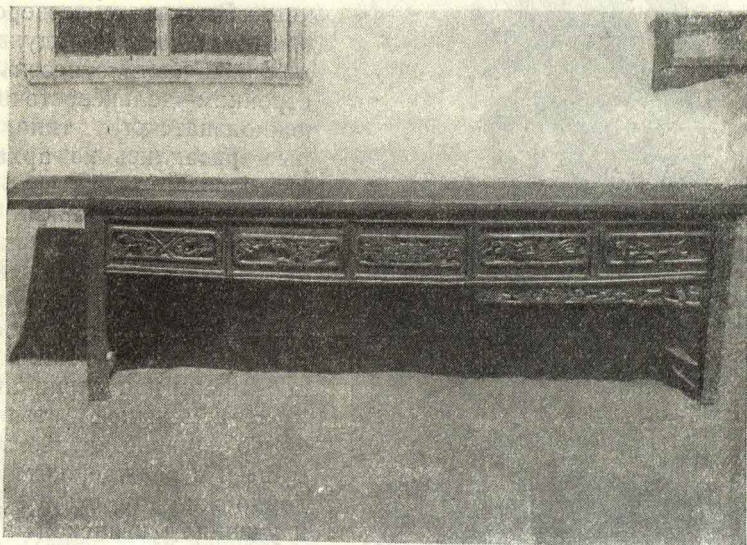

Рис. 3. Стол с китайской резьбой

кана — 50—60 см; к его передней стенке часто пристраивается обычная печь или плитка, через которую и производится топка. Пройдя под каном, теплый воздух и дым выводятся наружу через глинобитную трубу у задней стены дома. На кане проходит значительная часть жизни дунганской семьи (особенно зимой): здесь работают, едят, спят. В парадной комнате на кане же принимают гостей, справляют свадьбу и поминки. Для приготовления пищи кан не служит: ее готовят в кухне на глинобитных или кирпичных печах, летом же — на дворе, в особых кухоньках под навесами.

Обстановка и утварь дунганского дома также сохранили немало своеобразных особенностей китайской культуры. Кан в парадной комнате еще недавно покрывался китайскими коврами, стены над ним до высоты в 70—80 см обивались шелком или цветной бумагой. На кане же ставились украшенные богатой китайской росписью сундуки. У стены рядом с каном — особый стол с шкафчиками для посуды. На столе — различные украшения, китайские фарфоровые вазы с естественными или искусственными цветами, парадная посуда. На стенах — рисунки из бумаги, с большим вкусом выполняемые девочками-подростками или молодыми девушками.

Рис. 4. Дунганка в национальном костюме

В целом дунганское жилище почти во всем аналогично северокайскому. Среднеазиатское влияние сказывается только в известной тенденции к уплощению крыши да в некоторых предметах внутренней обстановки, в последние десятилетия приобретаемых у киргизов или казахов. Вместе с северокайскими домами дунганские должны быть отнесены к постройкам дальневосточного и южноазиатского типа, которые развились из архаичного столбового каркасного жилища с легкими стенами из цыновок или тонких досок. В более суровых климатических условиях Северного Китая (а тем более Средней Азии) эти легкие стены заменились глинобитными или кирпичными.

В меньшей степени заметно влияние китайской культуры и в одежде, которая, подобно жилищу, была объектом изучения дунганской экспедиции. В отличие от построек, дунганский национальный ко-

стюм сохранился в Шортюбе (и Каракунзе) лучше, чем в Ырдыке. Правда, и там и здесь приходится говорить почти исключительно о женской одежде, так как мужчины носят русское платье городского покроя (как летом, так и зимой).

Основными составными частями женской одежды дунган, надеваемыми непосредственно на тело, являются нижняя кофта («хансанза») и штаны («кфуза»). Нижняя кофта шьется из белой плотной материи в виде короткой (немного ниже пояса) распашной одежды с прямыми длинными рукавами и стоячим воротником. Кроится хансанза из двух полотнищ, перегибаемых через плечи и сшиваемых на спине и на боках. Из каждого полотнища выкраивается передняя пола, целый рукав и половина спины. К свободному краю левой полы спереди пришивают еще полотнище, которое закрывает собой всю правую полу и доходит до застѐжки, расположенной на правом боку и состоящей из пуговиц и шнуровых петель. Такие кофты носят женщины всех возрастов — от маленьких девочек до старух. Украшений на хансанзе почти никогда не бывает: только очень редко девушки обшивают воротник узенькой цветной тесьмой.

При пошивке штанов («кфуза») каждая штанина кроится из одного куска материи, который перегибается на боку пополам, внизу сшивается,

а в средней и верхней части к нему приставляется клин. После этого обе штанины подшиваются к прямой кокетке, которая выкраивается в форме прямоугольника из другой материи. Через кокетку в ее верхней части продевается шнурок, благодаря которому штаны держатся на талии. В шагу штаны всегда очень широки, книзу суживаются, доходя до щиколоток, где и завязываются поверх чулок узкими кусками материи или лентами. Как и нижнюю кофту, штаны носят женщины всех возрастов; девушки и молодухи — красные, зеленые, оранжевые, синие и т. д., старухи — всегда черные или белые. Украшениями штанов у девушек и молодых женщин служат цветные шелковые тесьмы, которые в несколько рядов нашиваются около щиколоток. Вместе со штанами носят верхнюю кофту («цфуеза»), которая по покрою почти не отличается от хансанзы и также является короткой распашной одеждой с длинными рукавами. Шьют верхние кофты как из простых материй, так и из шелка. У молодых женщин цфуеза обычно бывает очень яркой — цветной, у пожилых — всегда темной. Украшением служит китайская разноцветная тесьма, ее нашивают на рукава, рядом с черным сатиновым или атласным обшлагом, а также около ворота и на борт левой полы, во всю его длину. Старухи почти не украшают своих кофт. На верхнюю кофту надевают еще халатообразное платье («нор» или «санза»), которое кроится совершенно так же, как вышеописанные распашные одежды, но отличается от них большей длиной: у молодых штаны видны из-под платья на 15—20 см, у пожилых — не видны почти совсем. Цвет платья зависит от возраста: чем моложе женщина, тем более яркие платья она носит. Украшения санзы сводятся обыкновенно к цветной шелковой тесьме, нашитой на рукава (около обшлагов) и вокруг кокетки из черной материи.

В Шортюбе экспедиции удалось подробно описать свадебную женскую одежду, основными элементами которой являются два шелковых платья, надеваемых одно на другое: нижнее — обычного покроя и верхнее («куаза») без дополнительной передней полуполы, с застежкой по середине (а не сбоку, как во всех остальных описанных формах костюма). Куаза несомненно является

Рис. 5. Дунганка в воротнике с вышивками, составляющем принадлежность свадебной одежды

очень архаичным типом одежды, ныне сохранившимся в обрядовой жизни.

Летняя женская обувь дунган состоит из чулок («ваза») и туфель («ха»). Чулки шьются из разнообразной материи (для зимы — на тонком слое ваты) в форме маленького сапожка (до 25 см высоты) с твердыми задниками и подошвами из нескольких слоев плотной ткани. Будничные чулки (белые или черные) совсем не украшаются, праздничные, напротив, покрыты шелковой вышивкой на подошве, заднике, на переднем шве и на подъеме сбоку. Мотивы вышивок — большей частью стилизованные цветы.

Этнографический и художественный интерес представляют дунганские женские туфли. Они бывают на высокой (деревянной) и на низкой (картонной) подошве. Верх туфель — шелковый или матерчатый. Вышивками украшаются обтянутые тканью подошвы (снизу и с боков), основные части туфли и узкие черные бортики наверху. Орнамент вышивок очень разнообразен: преобладают растительные мотивы, но встречаются также изображения животных (льва, зайца, мыши, лани, рыбы, различных птиц, пауков, бабочек и т. д.).

Старинные головные уборы у дунганок почти не сохранились. Молодые женщины летом ходят обычно с непокрытыми головами, часто украшая волосы естественными или искусственными цветами. Старухи покрывают голову белыми бумажными платками, не завязывая их узлами, но набрасывая на голову, так что длинные концы их свободно спускаются на спину. Очень оригинальны дунганские подвесные украшения в виде объемных фигурок на ватной основе, обтянутой шелком и богато украшенной вышивкой. Фигурки эти представляют различные цветы (в частности лотос), растения, овощи (например редьку), рыб, птиц и животных (льва, кошку, лягушку и др.). В настоящее время такие украшения воспринимаются чисто декоративно, но в прошлом они несомненно имели магическое значение.

В целом дунганский костюм очень сходен с северокитайским и резко отличается от среднеазиатского (прежде всего полным отсутствием рубахи, которая служит главной нательной одеждой всех народов Западной Евразии). Распашная одежда имеет, по всей вероятности, южное происхождение и связывает дунган и китайцев с различными этническими группами Японии, Индокитая, Сиам и Индонезии. Штаны, напротив, проникли к китайцам от кочевых народов Центральной Азии, где они являются основным и необходимым элементом одежды для нижней части тела. Китайская основа материальной культуры дунган и ее двойственность (взаимодействие южных и северных элементов) сказываются в костюме не менее ярко, чем в жилище.

ЛБ 41 27

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ОТЧЕТ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ К ДУНГАНАМ КИРГИЗИИ

Осенью 1945 г. мною проведена вторая экспедиция к дунганам, расселившимся в пределах Киргизской ССР. Целью этой поездки было ознакомление с ганьсуйской группой дунган в местах наиболее плотного ее обитания. Поэтому для полевой этнографической работы и были намечены два основных пункта: поселок Кантского района Милянфан («Рисовая долина»), в 21 км от г. Фрунзе, и селение Джеты-огузского района Ырдык (Эрдоугоу — «Второе ущелье»), в 7 км от г. Пржевальска.

Отступая под натиском войск Цзо-Цзунтана, кровавых усмирителей восстания 1861—1877 гг., и продвигаясь в пределы России, дунгане сохраняли в расселении черты землячеств по исходным из провинций северозападного Китая Шэньси, Ганьсу и Синьцзян (по нынешнему административному делению) пунктам. Так, шэньсийцы сгруппировались в районе г. Токмака и прилегающих к нему точках Казахской ССР Шортюбе и Каракунуз (на другом берегу р. Чу). Этот район был охвачен первой поездкой, зимой 1944 г. В расселении ганьсуйской группы до недавнего времени сохранялись черты и более мелких землячеств. Так, большинство проживающих в селении Ырдык семей ведет свои корни из г. Дидаочжоу; фрунзенские и милянфанские дунгане из г. Ланьчжоу и т. д.

Эти подразделения ганьсуйской группы хранят и поныне некоторые (а порой значительные) различия в быте, терминологии и, главное, в экономике. Спецификой экономики с. Ырдык является возвращение мака, отличающегося высокоморфийными качествами. Для жителей с. Милянфан, прилегающих к нему селений Хунчи и Милятан, а также сукулукских дунган характерно возвращение риса. Третья, по исходному пункту тоже ганьсуйская, подгруппа, расселившаяся в районе Карасу (близ г. Ош), по расспросным данным почти полностью ассимилирована узбеками и занимается выращиванием хлопка.

Ни один из первых двух специфичных, принесенных дунганами в Семиречье видов производства не нашел достаточного отражения в литературе. Поэтому первые записи экспедиции и относятся к процессу выращивания риса, а первые зарисовки — к орудиям труда, нынешним и прежним (до контакта с МТС). Полевод колхоза им. Фрунзе (Милянфан) тов. Ван Лор и двое «каньфийди» (наблюдатели за уровнем воды; эта обязанность настолько важна, что этот термин можно с полным правом перевести «инспектор по качеству»), освещая весь ход работ от подготовки поля до сдачи зерна государству, показали нам уборку риса, подготовку тока и т. п. работы, доступные по времени. Навыки

дунган в области выращивания риса и долголетний опыт его селекции высоко оценены правительством СССР и Киргизской республики. Мастера высоких урожаев награждены орденами и медалями. Предколхозов. Ванмаза награжден орденом Ленина. На базе колхоза опытно-селекционная станция (агроном т. Вечкутов) испытывает ежегодно 28—29 сортов риса на всхожесть, осыпаемость и сопротивляемость заболеваниям. Основным сортом является дунганшала, принесенный дедами и отцами нынешнего населения Милянфана и улучшенный их сыновьями в условиях их новой родины. Начаты испытание и применение также скороспелых дальневосточных сортов и поздно вызревающих узбекских сортов риса.

Из орудий труда зарисованы старинный плуг, борона с рыхлителем из сучьев, четыре вида вил, два вида грабель, каменный каток, широко применяемый при обмолоте различных культур, крупорушка и т. п. Особый интерес представлял применяемый при сельскохозяйственных работах полухомут «чжябаньза», предшественник нынешнего стягиваемого хомута. Материалы по выращиванию мака и сбору опиума-сырца зафиксированы со слов председателя семхоза «Дейшин» в Ырдыке т. Малянчинова. Из процессов работы удалось наблюдать и зафиксировать последний надрез семенной коробочки — «головки» мака. Режим выращивания мака: борьба с засухой, сроки окучивания, подбор сортов, сроки и число подрезов головки мака в Киргизии установлены также опытом дунган. Мною привезена и сдана в Музей антропологии и этнографии коллекция основных орудий труда, собранная или полученная в дар от колхозников с. Ырдык (тов. Ян и др.), включающая три «головки» мака с различными надрезами, мотыжку, применяемую при прополке мака, два сорта ножичков для надреза головки мака и сбора выступившего сока, а также кружку, куда сборщик сока счищает с ножичка застывающий опиум-сырец.

При записи терминологии, относящейся к культивации прочих культур, обнаружено, что дунгане — мастера огородных, а не полевых культур. Так, для бобовых имеется 15 названий, порой чрезвычайно метких и оригинальных (один из сортов, имеющий на семени клювовидный выступ, называется «инцзуйдр» — клюв сокола). Для риса же дунгане имеют лишь одно свое название, для пшеницы три и т. д. Доступные по времени процессы труда зафиксированы на фото. Засняты уборка риса, подготовка тока, последний надрез мака и пр. Попутно при записи процесса культивации риса обнаружена, заснята и зарисована кульджинская арба-двуколка с бычьим тяглом и особой упряжью. Этот последний в Киргизии экземпляр любовно хранится колхозником с. Милянфан Леймеза Кубаза.

Жилище дунган хранит черты двух типов крестьянских домов Северного Китая, имеющих оба двускатные крыши. Тип северо-востока Китая, весьма многое приняв от построек узбекского типа («айван», «суна» с шатром над ней и т. п.), бытует в Милянфане и прилегающих к нему селениях; этот тип жилища зарисован и публикуется группой студентов МГУ (экспедиция проф. Н. Н. Чебоксарова). Второй тип — жилище северо-запада Китая — сохранен с наибольшей полнотой в с. Ырдык. Это также жилой дом с двускатной крышей. Однако угол наклона плоскостей крыши крайне невелик; средняя продольная балка опирается на восьмигранник, в свою очередь имеющий опорой поперечную матицу, кладущуюся прямо на верхние балки каркаса стен. Навес на 100—150 см вне стены слегка приподнят либо с помощью ряда мелких плах (подстро-

пилков), либо с помощью ряда пахсового кирпича, положенного впродоль нижнего края крыши до обмазки камышевого наката крыши. Таким образом, после обмазки создается впечатление загнутости края крыши кверху. Водостоки представляют собой ряд перевернутых и замазанных в поверхность крыши черепиц, идущих почти от конька к самому карнизу, но не выступая вне его. При общем каркасном принципе кладка стен в Ырдыке различна. Так, служебные постройки кладутся в два горизонтально положенных кирпича при кладке рядов уступами; жилые постройки имеют кладку в пять кирпичей, поставленных впродоль на ребро. Эти слои перемежаются горизонтальной прослойкой в два кирпича. Кирпичи применяются различных типов: саманный, утолщенный, пахсовый малый обожженный и фабричного типа обожженный. Кроме того, на верхнюю плоскость кана идут плиты, толщиной в размер малого кирпича, но по плоскости 57×59 см, т. е. почти квадратом. Кан — обогреваемая лежанка — обязательная принадлежность любого дома дунган. Отмечено наличие двух типов кана: с калориферообразной внутренней опорной кладкой и просто с опорой углов плит на столбики из кирпичей. Дымоходы с заслонкой постепенно вытесняют устройства старого безвьюшечного типа, но сейчас еще бытуют оба вида дымоходов. Каны связаны с печуркой «готовоу». Летом, когда в кане нет надобности, приготовление пищи ведется на печурке, сложенной во дворе или в саду, иногда примыкающей к наружной стене дома. Интересны также открытый коровник, кладовая и т. п. строения. Экспедицией произведены обмер и зарисовки двух жилых домов с окружающими их приусадебными участками.

Совершенно изолирован по типу и резко выделяется из общей массы жилых домов жилой дом городского типа, бессознательно, но точно перенесенного в сельские условия. Такой дом строится с уплощенными фигурно формованными пахсовыми боковыми стенами террасы «лыньюань» и четырьмя деревянными круглыми колоннами-столбами, четырехрядными прогонами с резным ажурным фризом и резными же кронштейнами, выполненными тончайшим, иногда многоцветным ажуром. Основные мотивы орнамента — благожелательная символика (персик и бамбук — пожелание долголетия, гранат — пожелание многочисленного мужского потомства, пион — богатства, летучая мышь — счастья и т. п.). Как неосознанный перенос, отметим также наличие в резном фризе «лыньюаня» (двора прохлады) так называемых «ба-бао» — восьми драгоценностей (раковина, колесо огня и т. д.), широко распространенных в китайском орнаменте, но имеющих буддийские истоки. Крыши домов этого типа прежде были крыты серой полуобожженной черепицей (при сильном обжиге она приобретает синеватый и синий тона). Привезенный и сданный мною в МАЭ экземпляр черепицы перекликается не с китайской черепицей, но с киданьскими образцами, хранящимися в Хабаровском краевом музее (со времени сборов Федорова на территории бохайской столицы близ нынешнего г. Ворошиловска). Мастера, изготавливающие черепицу, приглашались из дунганских общин в Китае. Последний приход мастеров относят к 1912—1914 гг. Несомненную художественную ценность представляют также и ворота типа китайской арки, хорошо перекликающиеся с этим типом дома. Орнаментальные ажурные и накладные украшения здесь того же характера, что и в орнаментальной полосе

дома. Если таких домов в Ырдыке пять, то ворота в полной мере сохранились только одни (вторые, разобранные в 1940—1941 гг., зафиксированы Яншансином на двух фото).¹

Не меньший интерес представляет и близкая к ним по характеру ажурного фриза прогонов и кронштейнов дунганская мечеть в г. Пржевальске (возвращена мусульманской общине в 1945 г.), построенная без применения гвоздей, имеющая высокохудожественные ажурные пятирядные фризы прогонов окружающей ее колоннады и резные же внутренние арки притвора. Областным организациям следует не выпускать из поля зрения этот ценнейший памятник дунганской архитектуры. Мною сделаны промеры плана мечети, зарисовки арки притвора и главной стены.

Несколько полнее освещен в литературе вопрос о пище дунган. Однако описана только пища, связанная с кругом брачных обрядов. При всей трудности сбора этого материала (отсутствие ряда компонентов, нивелировка видов пищи в общесреднеазиатских нормах и т. п.) удалось записать и сделать зарисовки специфичных блюд общемусульманского праздника Даэрди, перечень блюд, употребляемых повседневно, и т. п.

Одежда дунган нашла в литературе некоторое освещение. Однако в большинстве случаев имеются лишь указания на «китайский тип» одежды. Фактически одежда дунган значительно отличается от китайской и покроем, и орнаментикой, и общим видом. Собранный перечень полных одежд мужских, женских и детских показал, что на некоторые из частей костюма внимания не обращалось. Так, не отмечалось наличие женской нижней кофты «ханьсаньза», скрывающей лиф. С лифом связано представление об обычном прежде бинтовании груди (обычае, не отмечаемом для Китая в целом) и стягивании поясицы. В Ырдыке же проживает и дунганка с «чжиньтуй» — «золотыми», маленькими, вследствие бинтования, ножками. Случаев ношения паранджи дунганками не встречено. Сделаны промеры и зарисовки различного типа халатов, «току» (паголенок), «чжя-чжязы» (род безрукавки), носков и туфель как китайского образца, так и маньчжурского типа (с высоким «каблуком» посреди подошвы, называемым «годир»). Из постельного белья зарисованы наволочки на валик-подушку общедальневосточного типа. По расспросным данным установлено, что до недавнего времени бытовала накладка на валик-подушку, имевшая овальный вырез для щеки и уха, называвшаяся «лын-чженза» (подушка для прохлады).

Из стародунганского типа мебели зарисованы «го чжоза» — обеденный стол на восемь человек, «бань-дэн» — скамья к нему, «пугей-чуанза» — продольные низкие шкафики, стоявшие на кане и служившие местом складывания на день постельных принадлежностей семьи. С начала XX в. пугей-чуанза вытеснены зелеными окованными сундуками, носящими у дунган название андижанских. Сохранился у колхозницы с. Ырдык Масашиновой и один экземпляр «бей чжоза» (длинный, лакированный, богато украшенный резьбой стол, прежде нечто вроде алтаря культа предков). Как мебель, так и одежда орнаментированы в той же благожелательной символикке. Вышивание гладью и кантовка лентами обязательны при изготовлении одежды. По указанию профессора Г. Ф.

¹ Хотелось бы верить, что сданные в Комитет по охране памятников старины и искусства требования на составление паспортов на все шесть объектов и организацию охраны их найдут отклик и помогут уберечь их от уничтожения.

Смыкалова, ленты прежде были чем-то вроде родового знака; и доньне им придается особое значение отличающего знака (по местности изготовления). Вышивание гладью имеет собственно характер обшивания гладью накладного трафарета. В МАЭ сдана приобретенная мной коллекция трафаретов как стародунганского образца (изготовленных еще в Китае в 70-х годах XIX в.), так и трафаретов работы мастерицы т. Масашиновой. Эти тончайшие ажурные рисунки режутся без предварительной разметки, малыми ножницами, затем они накладываются или наклеиваются на ткань и обшиваются гладью. Подбор тонов шелка чрезвычайно богат. Так, в г. Токмаке у дочери-вышивальщицы в семье Шолар Булара имелось более ста оттенков ниток. В орнаменте применяются как чередование отдельных элементов (и здесь бытует неосмысляемый мастерицами орнамент «ба-бао»), так и сложные композиции от «лочу чы-путо» (мыши едят виноград) до сложных сказочных сюжетных изображений. Существует четкий круг представлений об орнаменте. Однако некоторые элементы его страны и даже необъяснимы для мастериц. Таковы «ба-бао», «хейтаньхуар» (черные мальвы, которые в вышивке имеют нежный розовый (?) цвет), «ханьчор» — китайская (?!), по объяснению знатоков, птица и др.

Из области устного творчества прослежено резкое сужение круга бытования «дачюйза» (героических поэм, оперных арий, песен крупного плана) за счет развития «сёчюйза» (небольших бытовых злободневных песенок, проникнутых духом героики будней, а порой глубоким лиризмом). Учитывая, что по сбору фольклора большая работа ведется и Киргизским филиалом (Рамазан Магиев), и Казахской Академией Наук (Юсуров), записей чюйза не велось. Внимание было сосредоточено на пословицах, поговорках, загадках и т. п. Все они рифмованы и ритмичны. Выявляется наличие пословиц-поучений как нового, так и старокитайского образца. Приведем одну из них

Жин жин ба хао син сян	К человеку человек имей хорошее сердце и мысли,
Лон син гу фий бу цю чан	Волчьё сердце, собачьи легкие не вечны же...
т. е. Будьте искренни и дружелюбны к ближнему,	
Ведь не вечно будет царить злоба и ругань.	

Пословица старого образца говорит:

Вей жин-вей иго чжен цзюньцзы

Цзей фу-цзей иго сунбейлин

Вейхади чжэн цзюнь цзы чан
лей ван

Цзейхади сунбейлин дун ся чин.

Выбирая друга, выбирай настоящего цзюньцзы (Человека с большой буквы). Сажая дерево, сажай благородный кедр. Избранный тобой цзюньцзы будет постоянен и верен тебе, Как посаженный кедр зелен и зимой и летом.

Старокитайского типа пословицы являются в большинстве случаев как бы сентенцией-концовкой к легенде или рассказу. Зачастую рассказ уже забыт, и концовка бытует, как самостоятельная единица. Загадки, включая весьма оригинальные порой сравнения, бывают и чисто звукоподражательные. Так, загадка

Гу ни лю, гу ни лю
Ю мо гуду, ю могу

Пробегает меж щелей,
(Сам) без мяса, без костей

подражает журчанию воды.

Чрезвычайно лаконична и образна загадка о верблюде, на ходу качающем головой:

И цзу и нейго,
Буцзу бу нейго

Идет, все кажется: вон тот, вон тот!
Не идет, не укажет — вон тот!

Характерно, что в интересах ритма и по характеру передачи их пословицы и поговорки хранят язык еще на стадии его развития в момент перехода дунган в пределы России. В живом языке, как совершенно справедливо указывает проф. А. А. Драгунов, идет быстрый процесс монофтонгизации, т. е. слияния воедино двух последовательных в слове гласных в основном за счет поглощения первой из них. У дунган сукулукских, например, слово «маор» (кошка) произносится не «мор», как у других, а просто «мр» (что было записано для меня даже «мэ»). Широко идет процесс заимствования лексик соседних народов и освоения социально-политической терминологии (сквозь призму русского языка). Как известно, дунгане (особенно мужчины) двуязычны, а то и трезычны, зная хорошо русский, а также киргизский или узбекский языки.

Во время пребывания в Милянфане и Ырдыке удалось дважды наблюдать похоронный обряд (описание его, дополненное по расспросным данным, прочитано на объединенном заседании кабинетов Средней Азии и Дальнего Востока 13 марта 1946 г.), представляющий собой нечто синкретичное (тюркомусульманское, с одной стороны, и китайское, с другой). Наблюдался также один из двух существующих у дунган мусульманских праздников «Даэрд» (моление, гостевание, состав кушаний, угощения). Удалось дважды присутствовать при лечении от малярии наговором (что послужило поводом для опроса о народной медицине). По опросным данным пополнен материал В. Ф. Пояркова о сватовстве и свадьбе (детализирован момент внесения молодой в дом мужа и состав их трапезы в первую брачную ночь).

Заново приходится пересмотреть вопрос о религиозной принадлежности дунган. Существующая литература, отмечая, что они мусульмане-сунниты, дает указание на наличие двух толков-школ: «ло цзяо» и «синь цзяо» (или «дадур» и «сэдур»), считая эти школы толками ханифэ и шафи. По расспросным данным выяснено, что дунгане и салары действительно чрезвычайно чтят проповедников, приезжавших из Средней Азии (предпочтительно из Бухары), но что они являются последователями имама Махтум Азама (Махтуми Аазам). Отклонения же и расщепления на школы — дело последних лет пребывания дунган в Китае, и возникали они скорее в ходе классовой, чем религиозной, борьбы.

Несколько выходя за рамки задач, поставленных экспедицией, произведена запись родственной терминологии дунган с исходным пунктом «я-мужчина» для составления таблицы родственных отношений. Попытки сбора терминологии с исходным пунктом «я-женщина» оказались неудачными. Для сравнения собран с тем же исходным пунктом материал киргизский. По изготовлении таблиц произведено сравнение с китайской родственной терминологией. Предварительно можно отметить, что если киргизская терминология дает право говорить о предпочтении линии матери, то дунганская (и, видимо, китайская) отдает предпочтение отцовской линии родства. Материнская линия, равно как и семья жены, идет под общим термином «вей» (кит. «вай» — вне, за).

Из исторического прошлого дунган обнаружено, что первым официальным поселком дунган в России было село Марнинское (Ырдык),

что дунгане пришли сюда в конце 1876 г. (а не 1877 г.) по линии Учтурфан-Караксл. Путь этот был пройден и фиксирован топографической съемкой членом посольства к Якуб-беку в 1875 г. (под главенством А. Н. Куропаткина, см. Приложения к его работе «Кашгария», стр. 296—130) штабс-капитаном Сунаргуловым. Вел дунган «почтенный старец» А-Е-Ложеньца (впоследствии предположительное место погребения его стало считаться могилой святого).

При обследовании поселков дунган обнаружено два археологических памятника: в Милянфане — вал старинной «крепости»; в Ырдыке — ряд захоронений. Оба они предположительно относятся к калмыкам.

Как видно из сказанного, экспедиция ставила целью не столько сбор исчерпывающих материалов по основной теме, сколько заполнение лакун в литературных и архивных данных и материалах первой поездки к дунганам Киргизии. Многообразие, естественно, значительно затрудняла работу.

Со стороны местных организаций работе экспедиции было оказано всяческое содействие. Отмечу также помощь, оказанную мне в работе различными представителями дунганского населения Киргизии. Основными моими информаторами были т. Ван Маза (председатель колхоза с. Милянфан), т. Ланимамов (главный бухгалтер) и т. Сагаза (заведующий хозяйством того же колхоза), т. Мафулинов (секретарь сельсовета Милянфан), т. Шэнло (студентка Киргизского педагогического института), т. Яншансин (научный сотрудник Киргизского филиала Академии Наук), т. Макеев (научный сотрудник КирГИЗА), т. Шимова (медсестра), т. Магиев Абдурахман (заместитель председателя колхоза «Дейшин», ранее научный работник) и др. Хотелось бы поблагодарить их всех за ценную помощь и содействие в моей работе.

ЛБ41 27

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

У ДУНГАН ОШСКОЙ ГРУППЫ (КИРГИЗСКАЯ ССР)¹

Поездка 1946 г. завершала круг полевого этнографического обследования наиболее плотно заселенных дунганами точек Киргизской ССР. В экспедиционных выездах 1944 и 1945 гг. обследованы дунгане-шэньсийцы в районе г. Токмака и дунгане-ганьсуйцы района пос. Ырдык и Чуйской долины (г. Фрунзе, селения Милянфан, Хунчи, Милянтан). Целью выезда 1946 г. было — посетить дунган-ганьсуйцев с. Александровки и обследовать дунган ошской группы (г. Ош и пос. Кзыл-Шарк, Южная Киргизия).

Моими основными информаторами были: секретарь Савайского сельсовета т. Кадырджан Лейбизов, председатель колхоза «Кзыл-Шарк» т. Хайд-ахун Таширов, военрук школы при пос. Кзыл-Шарк т. Нунузов, сын вождя ошских дунган Ма Дарына—Бохаветдин-ахун, старик Ма Даир, участник перехода в Россию Цзинь Сы Маза и др.

Интерес к ошской группе дунган (наименование исторически условное) не раз возникал у русских дореволюционных и советских исследователей. Однако эта группа оставалась как бы белым пятном на этнической карте Киргизии. Сведения об ошских дунганах в литературе крайне незначительны. Если не считать газетных заметок об экономике колхоза «Кзыл-Шарк» и участия ошских дунган в Великой Отечественной войне, то эти сведения можно свести к указанию на наличие «рабов из дунган» в Ферганской долине.² Опросные данные позволяли установить, что ошские дунгане ассимилированы окружающим из узбекским населением Ферганской долины и говорят по-узбекски. Наконец, неопубликованные материалы Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР (г. Ташкент) хранят сведения о переходе ошских дунган в русские пределы и о первых шагах расселения их в Семиречье.

Предстояло установить: можно ли идентифицировать жителей пос. Кзыл-Шарк и ошских дунган, перешедших в Россию в декабре 1877 г.; к какому «землячеству» и подразделению они принадлежат; на каком языке они говорят; каковы пути и степень их ассимиляции и т. д.

Первые записи, естественно, относились к вопросам языка. Родной язык почти забыт как жителями пос. Кзыл-Шарк, так и их родичами, проживающими в г. Ош (расстояние между этими пунктами 21—24 км).

¹ Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии в феврале 1947 г.

² См. Наливкин, Наливкина. Очерк быта женщины туземного населения Ферганы, Казань, 1886.

Говорят и думают по-узбекски. Выступая на партийных съездах и съездах Советов Киргизии, применяют только узбекский язык. Вся производственная и бытовая терминология — узбекская. В основном производстве — взращивании хлопка — отмечен лишь один дунганский термин для орудий труда (баньмо — полуборона). Исключение составляют названия кушаний, где сохранены дунганские формы с дунганскими же терминами. Однако и здесь часты отклонения: так, мясной суп (жутан) называют «рутан», пельмени — «бянза», вместо «бяньши» и т. д.

Мужчины, как правило, двуязычны и даже трезязычны: знают русский, узбекский, уйгурский, а иногда и киргизский языки. Женщины двуязычны реже. Дунганский язык помнят немногие; говорят на родном языке с трудом, мысленно переводя на него с узбекского. Дунганский язык лишен красочности, сочности образов. Значительную роль в утрате родного языка сыграло изъятие его из программы школьного преподавания.

Попытки фольклорных записей дали очень небольшой, но интересный результат. Бытуют рассказы двух типов: сказочно-бытового и исторического (связанного с историей восстания 1861—1878 гг. и приходом в Россию). Все, что относится к текущим событиям и сказочно-бытовому повествованию, дается сухим, лаконичным языком, без обычной красочности образов, вычурности рисунка сказки и т. п. Все, что связано с фактами старины (пословицы, исторические повествования и т. д.), сохраняет язык в его нетронутом виде (повидимому, на момент переселения в Россию). Языковые данные позволили отнести ошских дунган к ганьсуйской группе дунган. Однако «землячество» не прощупывалось.

Целиком воспринята ошскими дунганами и узбекская одежда. Из элементов дунганского костюма сохранены (с дунганским же термином) только наушники (эртоза). Одежда мужчин состоит из нательного халата — «яктак» (дунг. саньза), штанов — «иштан-ладым» (дунг. куза), чалмы — «урамачарсу» (дунг. тэйза); двух платков-подпоясок — «чарсу» (дунг. шуцзин). На ноги надеваются туфли — «калуш», «кауш» (дунг. хэй). Дунганские термины приводились параллельно из любезности к гостю (соответствия терминов не всегда точны, например, калуш — хэй).

У ошских дунган встречено жилище двух типов: пахсовое, узбекского образца, и синкретичное, дунгано-уйгуро-узбекское. Пахсовое жилище узбекского типа, как правило, бескаркасное. Условия почвы Карасуйско-Ошского района позволяют при подготовке строительной площадки ограничиться простой нивелировкой при помощи кетменя. Основным условием стройки является наличие воды. К строительной площадке подводится рукав от уличного арыка. Яма для подготовки (замеса) пахсы располагается вдоль будущей наружной стены строения. Пахса выкладывается здесь на подсушку. Затем производится разметка камер. Обычно строение двухкамерное. Первая камера снабжена камином и служит зимней кухней. Вторая камера — комната, включающая глинобитную площадку (супа), на которой семья спит. Возведение стен идет в 5 ярусов, обычно одинаковых по высоте, но не одинаковых по толщине. Нижняя грань яруса несколько шире верхней. Нижний ярус шире верхнего. Разность в толщине распределена по наружной стороне стены так, что профиль стены полуконусный (внутренняя стена вертикальная, внешняя чуть наклонна). Обычно в доме два окна: большое для комнаты, малое — в кухне. Оконная рама комнаты

укрепляется от второго яруса; окно кухни выводится от третьего яруса. Дверей тоже две: наружная, выводимая прямо от строительной площадки, и внутренняя (ведущая в комнату), имеющая либо высокий порог, либо выводимая от первого яруса. Над наружной дверью устраивается фрамужка, повышающая освещенность кухни. Окна и наружная дверь обычно выводятся в одной, внутрь обращенной стене. В кухне выкладывают очаг типа камина с широким вертикальным дымоходом, заканчивающимся невысокой квадратной трубой. В нижней части камина выкладывают из кирпичей собственно очаг с огневым цилиндром (высотой 30 см), открытым топкой в комнату. Поверх цилиндра ставят казан — уплощенный котел с двумя ушками. Пол кухни равняют; иногда его покрывают тонким слоем пахсовой обмазки. В комнате выводится супа (50—60 см), занимающая $\frac{2}{3}$ комнаты. Бытование кана (обязательной для домов дунган обогреваемой лежанки) отмечено лишь в трех случаях. Тип его во всех случаях простейший (не caloriferный). Вместо кана широко распространен обогреватель узбекского типа (сандал). Выведение крыши идет после просушки стен. Матицу (лян) укладывают продольно, прямо на грань стены, укрепляя ее 2—3 рядами малых кирпичей. Сшив матицы приходится точно на грань между камерами и дополнительной опоры не требует. В длинных строениях (колхозные амбары, конюшни и т. п.) опорой сшива служат столбы с горизонтальной плахой типа узбекских мадахилей. На матицу кладут полужерди (типа узбекских «васса») с расстоянием 50—80 см. Затем следует накат камыша, обмазка его водонепроницаемым слоем и толстым (до 40 см) слоем глины с саманом. Обмазка подновляется ежегодно. Стройку дома ведут мастер (усто) с подручным, который подает мастеру пахсу при помощи лопатки на длинной ручке (бель). Интересно, что на бескаркасное строение перенесен обряд «лимун», даже по названию («поднять деревянные части») связанный с каркасом. На «лимун» собираются старики и почтенные люди селенья. Хозяин режет жертвенное животное (чаще всего барана), мясо которого идет на приготовление плова и других кушаний, которыми угощают собравшихся после коллективной укладки матицы. Имеется единичное указание на обмазку матицы кровью барана. Застройщик одаривает мастера одеждой. Подобный же обряд связан с выкладкой очага (а не устройством ворот, как у прочих дунган). В этом случае одаривание мастера одеждой настолько обязательно, что даже самый бедный застройщик одаривает мастера хотя бы тибетейкой. Обычные блюда в угощении собравшихся — плов и лапша.

Второй тип дома планируется на три секции под единой крышей. Первая копирует обычное пахсовое строение; третья представляет собой одну каркасную камеру с камином и восемью нишами — для постельных принадлежностей и посуды. По внутренней стене комната имеет два окна. Дверь этой секции выходит во вторую секцию, представляющую собой пространство, пригодное для зимнего хлева или для летнего отдыха семьи. По типу уйгурского дома (кашкарча) здесь устраивается хауз с проточной (от уличного арыка) водой. В доме «кашкарча» стена, выходящая в сторону двора, имеет обычно раздвижные легкие створки.

Ошские дунгане применяют посуду и утварь узбекского образца; исключение составляют палочки для еды (куэйза). Как уже упоминалось, дунганами ошской группы сохранена национальная пища. Здесь

встречается хлеб типа «гокуй» (излюбленной формой, однако, являются лепешки), мясные супы (рутан), мучные вторые блюда типа «баньфан», будничные и обрядовые сладости (танмомо) и др. (в последнее время, за отсутствием своего «халвачи», пекут редко). Праздничным и обрядовым вторым блюдом является плов. Из напитков употребляют чай (преимущественно кокчай). Много пьют молока в сыром, кипяченом и особенно в кислом виде. В отличие от других дунган, сравнительно широко используют в пищу коровье масло. На кислом молоке замешивают хлеб. Лепешки пекут в печи (тондур). Тондур имеет здесь два горизонтальных рабочих цилиндра. Как и у других народов Средней Азии, с хлебом (и всем, что касается хлеба) у дунган ошской группы сопряжено представление о святости предмета. Печь хлеб можно только с чистыми руками и чистыми помыслами. Непочтение к хлебу считается тяжким грехом.

Даже золу из тондура и окалину его цилиндров некоторые ошские дунгане считают целебным средством против кашля, головных и легочных заболеваний и зубной боли. Против кашля «следует взять комочек обмазки тондура и растереть с одной столовой ложкой сахара. Затем нужно вскипятить чай и, налив полпиалы, резко сверху влить его в пиалу с обмазкой. Затем прикрыть и дать настояться часа 2—3. Настой выпить перед сном. Кашель пройдет, так как потом прошибет так, что весь мокрый будешь» (рецепт сообщил Нунуза Айсаров). Отметим, что народная медицина дунган ошской группы лежит в плане общедунганской — та же травотерапия и массаж. Большую роль играют наговоры. Нами наблюдалось лечение головной боли массажем (натиранием солью с отрубями), сопровождавшимся серией наговоров.

В отношении верований ошские дунгане — мусульмане-сунниты «арзамитского толка». Сейчас жители пос. Кызыл-Шарк пользуются мечетью, общей с киргизами соседнего поселка. Службу ведет мулла-киргиз. Требы в пос. Кызыл-Шарк он выполняет с учетом некоторых особенностей дунганской обрядности. У него есть помощник из дунган. Круг обрядности ошско-карасуйских дунган уже обычного дунганского. Так, в обрядах, связанных с рождением ребенка, нет месячника, с которым связано оформление усыновления (маньюэ); нет малых подарков (сёлир) и отдарков при сговоре; нет шуток над постелью молодых в первую брачную ночь (фачуаньни); нет гостевания в период сёэрти и т. д.

Поразительным фактом является отрешение от запрета на брак с родичами ближе третьей степени и переход к кузенному браку. Анализ терминов родства, собранных в пос. Кызыл-Шарк, позволяет говорить о значительных отличиях от терминологии прочих ганьсуйцев в сторону полного совпадения терминов родства и свойства, что также указывает на резкое сужение брачного круга. Таким образом, эндогамность землячества оказалась сильнее брачных запретов внутри него. Строго соблюдается лишь запрет на выдачу женщины за иноплеменных. Мужчина мог взять второй женой уйгурку, киргизку, узбечку и даже русскую. Дети от этих браков осознавали себя дунганями и присоединялись к дунганской общине. Равным образом дунганями считали себя и дети дунганок, увезенных в рабство в период перехода группы в Россию. Этим, видимо, и объясняется значительное антропологическое отличие ошцев от прочих дунган-ганьсуйцев Киргизии.

В наибольшей полноте сохранился похоронный обряд. Здесь тот же белый траур и те же сроки его ношения, та же форма могилы и клад-

бища. Интересен тип «тапшыза» (от арабского «тобут» — гроб и китайского «сянза» — гроб, ящик). Если фрунзенские дунгане имели тапшыза в форме китайского полугроба, а узбеки — различные носилки (в зависимости от возраста покойного), в форме лестницы или плащаницы, то здесь носилки решетчатые (как бы состоящие из трех лестниц) с дугами над ними, позволяющими накинуть покров, превращающий носилки в закрытые. Любопытен факт оставления носилок на кладбище, объясненный мне так: «Обычно носилки и у нас были в мечети. В годы войны умирало много мусульман в округе. Тогда мулла решил, что причина тому — хранение тапшыза при мечети. Их и оставили на кладбище. Смерти и прекратились» (сравни китайское наказание изображений божеств за нерадивость: порка, выставление на солнцепеке при засухе и т. п.). Любопытно и объяснение обряда подсыпания к голове покойного семи кусочков глины: «Они будут у правверного семью светильниками в период пути на суд Аллаха сквозь семь небес». Здесь мы встречаем то же представление о душе, отлетающей от тела в виде бабочки (летеза). Поэтому и огонь дома нельзя зажигать целую неделю. Однако допускается зажигание светильника на террасе дома семь вечеров (особенно в период сумеречный). В последние годы светильник также зажигается в течение семи дней, но пораньше, засветло. Отступлением от дунганских норм является посещение кладбища женщинами на второй день после похорон.

Записи исторического порядка разделяются на материалы о переезде в Россию и материалы по социалистическому строительству. Сведения Цзинь Сы Маза, Ма Даира и Бохаветдин-ахуна, полностью совпадая с архивными данными (у всех трех информаторов имеет место смещение на 6 лет в сторону превышения, вызванное, видимо, разностью летосчислений европейского и арабского), позволяют идентифицировать группу Ма Дарына и нынешних ошско-карасуйских дунган. Выявляется и «землячество» их. Это кашгарские дунгане. В конце семидесятых годов XVIII в., после разгрома джунгарского царства, китайцы укрепляли новые владения устройством линии военных поселений. Первыми поселенцами были части бело-красного знамени — сибиряки, солдаты, олжасты. Для прокормления их в районы поселений были переброшены таранчи (уйгуры) в числе 300, а затем 6 тысяч семейств. Для трудовых работ и укрепления линии пикетов в то же время переселены были 3 тысячи семей дунган, составивших впоследствии пограничные части войск зеленого знамени. Вторичное крупное переселение дунган-ганьсуйцев в Кашгарию относится ко времени разгрома восстания Дженгир-ходжи (1829 и последующие годы). Восстание мусульман Северо-Западного Китая 1861—1878 гг. распространяется в 1863 г. на Илийский край и в 1864 г. на Кашгарию. Создав в пределах Урумчинского округа свое независимое государство (Урумчинский союз городов), повстанцы распространяют свое влияние на Северную и Южную Кашгарию. Дунгане городов Южной Кашгарии содействуют победам своих единоплеменников, уничтожая гарнизоны городов и открывая навстречу повстанцам городские ворота. В 1865 г. в г. Кашгаре появляется Якуб-бек, постепенно вытесняющий дунган-урумчинцев из Кашгарии. Дунгане Кашгарии ведут с ним упорную борьбу, а затем входят в контакт с ним.

Лидером кашгарских дунган выступает уже в то время Ма Дарын. Смерть Якуб-бека вынудила Ма Дарына, как чиновника, изменившего

в прошлом китайскому правительству, искать выхода в переселении в Россию. Однако отход запоздал и был проведен в трудных условиях ранней зимы, бескормицы, снегопадов, под непосредственным натиском правительственных войск.

Местные русские власти устроили беженцам встречу, защитив их от преследователей и разбойников, отнимавших у обессиленных людей имущество и уводивших в рабство женщин и девушек. В Сыры-Таш и Суфи-Кургане были устроены питательные пункты. Больных везли на лошадях и ослах. В пути и в г. Ош им была оказана медицинская помощь (по данным Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР, см. ф. 67/с; оп. № 1, д. № 1 и 3). Прибывших расселили в Шейхлар-гузаре г. Ош. Намечено было наделить их землей в Гульчинской долине. Началась долгая переписка с Петербургом. Ко времени прихода отказа в поселении беженцы, не имевшие средств ждать решения, разбрелись по городам Ферганской долины, батрача на узбекских баев, чиня посуду, нищенствуя. Часть их осела под г. Аулие-Ата (ныне г. Джамбул).

Только советская власть дала дунганам землю. В 1925 г. инициативная группа дунганской бедноты получает спорные земли по Саваю. На известие о земле стекаются отдельные семейства дунган из различных городов Ферганской долины. В борьбе с басмачами, в спорах с соседями дунгане закрепляются на отведенной земле, проводят оросительный канал, строят пос. Кызыл-Шарк. В 1929 г. здесь создается колхоз. Навыки коллективного труда облегчают первые шаги молодого колхоза. Принцип взаимосвязанности в землячестве, игравший в ряде случаев весьма положительную роль, в той же мере затрудняет борьбу за классовую чистоту его рядов.

К 1932 г., когда председателем колхоза стал т. Хайд-ахун Таширов, ряды колхоза очищены от торговцев, кулаков, контрреволюционно настроенного духовенства. Колхоз принимает основной сельскохозяйственной культурой хлопок, не снимая других культур. 14 лет упорной селекционной работы, борьбы за механизацию производства, за правильную расстановку сил принесли свои плоды. Особенно ярко проявилась устойчивость, экономическая жизнеспособность колхоза в годы Великой Отечественной войны. Колхоз вдвое увеличил посевную площадь, поголовье скота увеличилось вдвое, а по овцам — втрое. В 1944 г. достигнута рекордная урожайность хлопка (187% к плановой). Колхоз получил первую премию по республике, 5 колхозников награждены орденами Союза ССР (председатель колхоза т. Таширов — орденом Ленина). Колхоз стал миллионером. В годы войны в колхозных работах ведущее место заняли женщины. Имена многих широко известны по республике. Уже 6 лет колхоз удерживает первое место в республике и Красное знамя за сбор и сдачу хлопка.

В колхозе — живом примере торжества ленинско-сталинской национальной политики — дружно работают представители восьми национальностей: дунган, уйгуров, украинцев, турок, карачаевцев и др.

Таков исторический путь ошских дунган. В плане дальнейшего изучения группы было бы интересно поставить антропологическое обследование в районе Карасу-Ош и этнографическое обследование в районе Джамбул-Мандалак.

В тот же выезд повторные посещения фрунзенских и милянфанских дунган позволили проверить ранее собранные материалы.

Интерес представили материалы, собранные в период кратковременного посещения с. Александровки (24 км от г. Фрунзе). Дунгане с. Александровки переселились в район г. Фрунзе на основании Петербургского договора о передаче Кульджи Китаю. Это относительно плановое переселение позволило в сравнительной сохранности переместить часть жилищ, полевые, садовые и огородные культуры, орудия труда, утварь и т. д. Равным образом, переселение родственными группами позволяло сохранить в большой чистоте социальные отношения. Весьма интересно наличие в 1946 г. большой семьи (31 человек), сохранившей в значительной мере основные черты этой социальной формы (общее владение приусадебными участками, общий амбар, общую кассу, куда вливаются и доходы по трудодням в колхозе, общий очаг для приготовления пищи, единое распределение работ и руководство со стороны главы семьи, одинаковость затрат на костюмы всех пяти парных семей и т. д.). Сравнительно недавно распалась семья, состоявшая из 67 членов. Интерес представляло бы и наблюдение за обрядностью дунган с. Александровки. Так, обряд «сыдомань» — заключительный в круге брачных обрядов, представлявшийся прежде как свидание двух пар родителей молодых, по материалам с. Александровки, может быть принят скорее за проверку воспитанности и хозяйственности молодухи, причем ее семья деятельно помогает ей проявить себя перед семьей мужа в лучшем свете. Интересна и работа вышивальщиц с. Александровки, имеющих свой определенный круг трафаретов и т. п. Наконец, если не сохранились в полной мере одежда и утварь, то ознакомление с жилищем и сопоставление его с постройками прочих дунганских поселков представляют несомненный интерес.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ЭКСПЕДИЦИЯ К ДУНГАНАМ ОШСКОЙ ГРУППЫ

При завершении обследования дунган-ошской группы, маршрут выезда 1947 г. проведен по линии: г. Джамбул — Джалпак-тюбе (Дунгановка) — с. Пулат-Коңчи (Вторая Дунгановка) — с. Май-тюбе (Мандалак, на территории Киргизии) — с. Кок-тюбе (также на территории Киргизии).

Интерес к джамбульским дунганам обусловливается полным отсутствием сведений о них в литературе, а также тем, что именно здесь можно было получить сведения о заключительной части пути группы Ма Дарына. Выяснение родословной информаторов¹ и большинства жителей с. Джалпак-тюбе подтвердило с несомненностью наш предварительный вывод (1946 г.) о принадлежности дунган-ошцев (а стало быть, и карасуйцев, и джамбульцев) к Кашгарскому землячеству. Напомним, что в конце 70-х годов XVIII в., после разгрома Джунгарского царства, китайцы «осваивали» захваченный край (Кашгарию и Джунгарию) путем устройства ряда поселений ссыльнокаторжных китайцев и переброски к границам новых владений частей «знаменной» армии: белокрасного знамени (по составу маньчжуры-сибо, солоны, олёты) и зеленого знамени (мусульмане, в основном дунгане). Военные поселения — «кенты» и отдельные хутора поселенцев не обеспечили требуемого спокойствия границ. Ряд крупных и мелких восстаний приводил к потерям как среди местного населения, так и в «знаменных» войсках. После восстания Дженгир-Ходжи (в 1829 г. и др.) архивными данными отмечена вторая крупная переброска дунган из провинции Ганьсу в основные города Кашгарии и Джунгарии. Позже дунгане составили значительную часть населения всех основных городов края, образуя при расселении отдельные кварталы. Посредническая торговля (одна из основных профессий зарубежных дунган) способствовала установлению тесного контакта между дунганскими общинами отдельных городов и местечек Кашгарии, а также некоторых связей их с окружающим единоверческим населением. Вполне естественно, что когда отголоски тайпинского восстания докатились до крайнего северо-запада Китая, дунгане явились носителями идей тайпинов и тем катализатором, который ускорил взрыв давно назревшего восстания мусульман Кашгарии против гнета маньчжурского правительства. В ходе восстания дунгане составили его боевой костяк. Однако, если в Джунгарии эта роль сохранилась за ними вплоть до последней фазы восстания, то в Каш-

¹ Основными информаторами моими были: инвалид Исхак Аширов, заведующий пунктом Заготовилодоовощ Арли Аширов, старик Камбар Билялов, кузнец колхоза «Октябрь» Госунфу Шамси Ибрагимов, бригадир молодежной бригады свекловичников Исхак Сулейманов и др. Значительный интерес представили беседы с бывшим халвачи и мастером кулинарии, сейчас бригадиром группы «тин варди» Умаром Кадыровым.

гории дунганам уже в 1864 г. пришлось столкнуться с посланцем Коканда, а затем правителем уйгурского государства Якуб-беком. Победа осталась на стороне последнего. Вождю кашгарских дунган Ма Дарыну пришлось скрепить договор о дружбе родственным союзом путем брака его дочери со вторым сыном Якуб-бека — Бек-Кулы-беком.

Наступление войск маньчжурского правительства, смерть Якуб-бека, наконец, измена руководящей верхушки восстания привели к его поражению. Уйгурское государство пало. Дунгане, зная по опыту населения г. Манас (где было вырезано более 2 $\frac{1}{2}$ тысяч дунган), в чем выражается «милосердие» «возвращающих благоденствие» маньчжурских войск, отошли в пределы России, увозя свои семьи и кое-какой скарб.

Если вождь шэньсийских дунган, народный герой Бый-Янху, растеряв имущество, сумел сохранить единство отряда, то среди кашгарских дунган, ведомых Ма Дарыном, расслоение и классовая борьба наметились уже с момента подготовки к отходу в Россию вместе с войсками Бек-Кулы-бека и вслед за ними. Опросы, сделанные в 1946 г., позволили записать, что по распоряжению Ма Дарына в заслоне против наступающих на Кашгар и далее маньчжурских войск, а главное, против киргизо-афганских грабителей на подступах к границе России был оставлен вождь беднейшей части дунган Кашгарии — батыр, известный под именем Хейхузы (или Хэйхуцзян Да Жэнь; его потомки живут в колхозе «Кзыл-Шарк»), с преданными ему храбрецами. Архивные данные позволяют сделать заключение, что основной натиск преследовавших был направлен против группы Бый-Янху. Отогнав грабителей и будучи уверен, что маньчжурские войска не рискнут продолжать преследование в русских пределах, отряд Хейхузы начал отходить к русской границе, но не дошел до пунктов помощи, которые были организованы русскими на линии Иркештам — Суфи — Курган — Гульча. Имеются указания на гибель этого отряда в районе Улугчата (см. ниже).

Опросные сведения 1947 г. проливают свет и на этот отрезок пути группы Ма Дарына. Чувствуя потерю авторитета и боясь осложнений с русскими властями, Ма Дарын решил обезглавить наиболее боевую и непримиримую часть своей группы; отряд из преданных Ма Дарыну дунган был тайно возвращен им к Улугчату, напал с тыла и уничтожил весь заслон во главе с Хейхузы. Весть о предательстве Ма Дарына и изменническом убийстве вождя бедняков Хейхузы достигла бедноты уже в тот период, когда прибывших расселили в окрестностях г. Ош (район Шейхлар-гузара). В ту же ночь, стараясь не шуметь, друзья Хейхузы: дед нашего информатора Юй Лосань Рамазан и его одногодки Маньсаньин и Мацзихэй подняли бедняков и ушли в г. Маргелан, бросив остатки имущества и даже орудия труда.

В Маргелане дунгане, расселенные на окраинах, крайне бедствовали. Только через три года им было разрешено выехать в Джалпак-тубе, где 60 семейств начали строить поселок. Руководителем переезда в Аулие-атинский уезд был Юсуф Рахимов (более известный под именем Юсуф-аксакал или Юсуф-халифе) как наиболее бывалый и грамотный.

Дома строились по образцам кашгарских дунганских жилищ. Обычно это — одноэтажные постройки каркасного типа. Под фундамент роют узкий ров глубиной до 50 см, его забутовывают булыжником, щебнем и галечником (поселок лежит в старом русле и пойме р. Талас). Слоем галечника дренируют и пол в домах в низкой части селений. Стены всех старых построек всего в полтора кирпича. Обычно применяется сырцовый кирпич, замешанный на лое с саманом. Формовка его сейчас принята во всех индивидуальных новостройках района. Однако прежде размеры дун-

ганского кирпича были меньше, чем входящего сейчас в обиход — узбекского. Кладка стен строений всех типов сейчас идет уступом. В домах старого типа чаще встречается кладка по слоям: первый слой укладывался горизонтально, второй — вертикально, но поперек, так что на один кирпич горизонтальной кладки приходилось пять кирпичей вертикальной. Увязка кладки шла на лое с примесью извести. Как обычно, внешняя стена построек старого типа глухая. В новых же постройках, где в наружную стену выведены окна, проемы их снабжены резными наличниками и глухими ставнями. Весьма интересны ворота. В поселке сохранилось до десяти ворот арочного типа, глубоких, с высокими стрельчатыми створками. Передний балочный обвод ворот по верхней балке украшен таблицей с двойным лотосом; по краям верхней балки имеются подвески в виде плодов граната и резные (типа «облаков») углы. В двух случаях ворота конструктивно сопряжены с *балаханой* — верхней верандой во втором этаже. В одном случае мы видели двухэтажный длинный дом с «воротами» — проемом под балаханой; последняя связана с двумя крытыми помещениями по ее бокам. Указывают, что этот дом строил дунганин родом из Уч-Турфана.

Большой интерес представляет храмовое зодчество. Мечеть имеет форму правильного прямоугольника. Минарета сейчас нет. Внешне мечеть мало привлекательна. Внутреннее ее убранство богато, но строго. По длинной юго-западной стене тянется серия арочного типа ложных михрабов с резным по ганчу рисунком. Почти посредине стены находится арка — ниша михраба. По ее боковой отделке на уровне плеч человека сделаны две полки для светильников и книг. Справа в юго-западном углу был расположен амвон. Внутреннее потолочное перекрытие, разделенное на крупные квадраты, зашитые тонкими крытыми желтым лаком полужердями (васса), поддерживается тремя массивными колоннами с желтым цоколем и кубово-зеленым стволом. Поперечные балки, синие с красными параллелограммами, опираются на колонны, вделанные в опорный крест типа узбекских мадахилей. По северо-восточной стороне здания идет открытая, слегка приподнятая над уровнем почвы терраса с рядом колонн.

Удалось установить, что ежедневные молитвы совершались не в мечети (*либайсы*), а в домах молитвы (*даотан*). Даотан секты чжехрие, где моления шли открыто, представляет собой квадратное строение с четырехскатной крышей. Весь дом ориентирован в сторону «святых мест» (на юго-запад). Входу предшествует маленькая крытая терраса. По двум стенам его расположены три окна. Внутри даотан оформлен как мечеть, т. е. имеет центральную колонну, на которую опираются балки квадратного потолка. И балки, и потолок тех же цветов, что в либайсы. Второй дом молитвы — даотан секты хуфие — представляет собой обычное жилое строение, без окон по внешнему фасаду; по внутреннему фасаду было всего одно окно, в правой части дома, и дверь в левой его части. Прямо против двери — пятиствольное «священное дерево». Моления, как рассказывают, шли тайно. Дверь плотно закрывалась, окно завешивалось.

Таковы строения поселка Джалпак-тубе и его отпочкований — поселка Май-тубе (колхоз «Кзыл Юлдуз»), Пулат-Коши и Кок-тубе. По условиям замлевладения усадьбы поселков Май-тубе и Кок-тубе несколько обширнее, но планировка та же. Интересно, что принесенный из Кашгарии принцип устройства *айванов* (дунг. *лын юань*) — дворов прохлады по северной стороне дома — сейчас нарушен. Сейчас айваны устраиваются и в западной и в южной сторонах дома. Только восточная считается слиш-

ком жаркой. Служебные постройки либо соединены с домом навесом,² либо строятся отдельным квадратом с кладкой стен в полтора кирпича уступом. В домах старого типа обязательны каны (отапливаемые лежанки). В новых домах их место часто занимает *суна* — лежанка того же типа, вынесенная наружу дома. С помощью ряда жердей, положенных на крышу дома и оплетенных ползучими растениями, над супой создается естественная беседка. Крыши жилых домов обычно односкатны и почти плоски. Их устройство то же, что в крупных поселках Кашгарии, т. е. поперек каркасной верхней обвязки кладутся полужерди *васса* (дунг. *фандинза*); поверх их стелятся маты из камыша (*берданы*) и поверх еще толстый (более 50 см) накат лоевой глинистой массы, смешанной с клейкими веществами и саманом (обмазка производится ежегодно).

Внутреннее убранство дома просто. По левой стороне кана стояли прежде *пугей чуанза* — «столики-кровати» для постельных принадлежностей и предметов женского обихода. По противоположной кану стене обычны либо мучной ларь — *мян гуй*, либо стол — *бянь чэжозы* (типа ырдыкских *бей чэжозы* — алтарных столов). На стенах часты дунганские ковры, а также картины — лубочные, духовные (изображения святых мест) и станиолевые (под расписным стеклом). В нескольких случаях усадьба сохранила черты жилища «большой семьи» (типа «длинного дома» или дома, поделенного на камеры, отдельные для каждой малой «парной» семьи), с большими амбарами и навесами для скота, а главное — с общим большим очагом и общим *нанкынза* — одноцилиндровой горизонтальной печью для печения лепешек. В настоящее время больших семей не обнаружено. Однако память о них жива. Выходцы из Уч-Турфана говорят об одной «семье», насчитывавшей около 200 человек. Потомки этой семьи живут в Джалпак-тюбе и в г. Ош. Родство свое они помнят хорошо.

Терминология родства та же, что и у карасуйцев. Как и карасуйцы, дунгане Джамбульского района и с. Мандалак (Май-тюбе) в языковом отношении чрезвычайно интересны. Они обычно трехязычны (знают дунганский, узбекский или казахский и русский языки). Обрядовая терминология арабско-узбекская. В быту терминология часто синкретична. Так, вместо *тондур* (печь для лепешек) говорят *нанкынза* (от узб. *нон* — хлеб и дунг. *кынза* — отверстие, дыра, т. е. отверстие для печения хлеба). Фольклорная изустная передача хранит сотни примеров такого смешения терминологии. Если *чайхуар* — загадки и пословицы-поучения сохранились в наиболее нетронутом виде, то в *да чойза* и *сяо чойза* (большие и малые песни, сюда же входят и поэмы исторического характера) незаметно для рассказчика и слушателей проникают узбекские или узбекизированные производственные и бытовые термины. Даже в стандартизованный и традиционный по составу монолог *пяхуади жень* (пояснителя подарков) органически вплелись узбекизированные *шан* — шелковые, *ромал* — платок и др. Чрезвычайно интересно попеременное именование жениха то *сыца* — лев, то *ху* — тигр (ср. узб. *шир*: в одних случаях — лев, в других — тигр). Монолог *пяхуади жень* интересен и своим началом, где дается ряд арабских выражений, тут же переводимых на дунганский: *шамси цзухар* — *цзухар тейян* (солнца лучи — солнца свет); *бадарын туцзя* — *туцзя юэгуан* (луны лучи — лунный блик) и т. д. Такой метод внедрения арабской терминологии еще раз подтверждает ее привносность.

Наблюдения показали специфичность обрядов джамбульских дунган; отличительной чертой их является интересное совмещение первичных

² Иногда под этим навесом устраивается коровий хлев.

(до 1878 г.) черт обрядности и значительного узбекского, реже казахского, влияния. Это заставило нас заново записать всю основную обрядность, связанную с рождением и воспитанием ребенка, периодом его обучения, посвящения в число верующих данной мусульманской общины, свадебным и похоронным церемониалом. Даже в таком сравнительно широко освещенном в литературе круге обрядов, как «сватовство — свадьба», обнаружены совершенно новые для исследователя моменты: наличие особого персонажа — «пояснителя подарков» и др. В момент, когда невеста уже привезена в дом жениха и обозрению гостей доступны все виды подарков (включая приданое), по старинному обычаю, выступает из круга гостей *пяхуади жень* — «поясняющий». Точнее его роль можно было бы определить словом «ведущий». В его задачу входит не только «показать» подарки, но вообще произнести пролог к свадебному церемониалу. Его речь пересыпана напыщенными сравнениями, цитатами из забытых слушателями «мудрых изречений», остроумными, а иногда язвительными импровизациями. Начиная с призыва благословения Аллаха на всех собравшихся, он переходит к прославлению сватов, затем брачующихся семей, родителей, молодых и, наконец, к показу вещей. В последнем разделе его речи идет восхваление подарков «самого лучшего качества», изделий «лучших мастеров» из мест, издавна славящихся производством предметов этого типа: «сучжоуская помада», «ханьчжоуская пудра», «шерстяные ленты ташкентские», «чайник и пиалы сицзянские» (читай: цзянсийские).³ Однако с течением времени значимость пояснителя подарков в обряде падает, вытесняемая узбекскими танцами, русским пением и т. п.

В свадебном обряде интересна сильная струя новых для дунганского свадебного церемониала элементов. На свадьбе, происходившей в декабре 1946 г., неоднократно исполнялись узбекские танцы, причем восхищенные танцем зрители осыпали исполнительницу деньгами. При перевозе невесты в дом жениха (точнее в дом, где была организована свадьба) вместо традиционной *сичэ* («повозки радости») была использована полоторатонная грузовая машина. Перед домом ее остановили, как того требует обычай, поставив поперек дороги осла. Воспользовавшись замешательством водителя и тем, что мотор был заглушен, один из родичей схватил заводную ручку, ставшую предметом своеобразной «байги».

При записи похоронного обряда была обнаружена единственная *фий чуанза* — кровать для омовения покойного. *Тапшязз* — носилки для переноски тела к могиле имеют здесь обычный вид полугроба; однако к ним прикрепляются четыре дужки, позволяющие накинуть покров, по узбекскому образцу, навесом, а также прикрепить к ним одежду покойного, ленты и туфли (если хоронят женщину) и т. д. Форма кладбища и процесс погребения обычны, но ниша могилы (*рахат*) отделена от самой ямы стенкой с одной аркой воротец (*кын-кынза*).

Из круга обрядности, связанной с рождением и воспитанием ребенка, сохранился в полной мере только *суйсур* («годок»), связанный с обрядом усыновления.

Из культовой обрядности я имел возможность с большой полнотой наблюдать пост (*ураза*) и круг обрядов, связанных с праздником Хайд-фитр: подготовку к нему, моления душам умерших, мужское моление на заре первого дня Хайда, посещение кладбища, повозрастное госте-

³ Весьма интересно, что, широко пользуясь так называемым «кашгарским фарфором», дунгане не считают и не называют его кашгарским; это еще раз подтверждает, что он был лишь экспортной статьей китайских (цзянсийских), а позже русских (кузнецовских) предприятий.

вание. Особый интерес представило не отмеченное исследователями женское гостевание, занимающее, после трехдневного мужского гостевания, целый месяц.

Особое внимание было уделено мной рисунку и орнаментике дунган. С полной точностью можно установить наличие в Джалпак-тубе двух стилей лубка. Местного стиля лубок, построенный на традиционных канонизированных элементах (типа *фынхуан ши модань* — феникс щиплет пион), примитивный по характеру рисунка и по подбору тонов, служит в основном декоративным целям. Иногда он является даже иллюстрацией к широко бытовавшим *да чьюза* (таков лубок *Цзянси да ху* — Цзянси бьет тигров). Вторая группа лубков совершенно иного стиля (ырдыкского), резко отличается по рисунку и по цветовой гамме и по своему назначению играет иную роль. Это лубок-оберег. Центральное место в нем занимает сокол. В китайском лубке сокол наделен «полномочиями» по уничтожению бесов. Эта роль его не осознается уже исполнителями, однако роль оберега лубок этого типа еще сохраняет. Зарисовки орнамента детских туфель, подушек, нагрудных украшений и т. п. показывают, что это «благожелательный» доисламского времени китайского типа орнамент: пожелание долголетия, счастья, богатства, многочисленного (мужского) потомства и т. д., значительно пополненный реалистически воспроизводимыми растительными мотивами.

Большая часть моих записей относится, естественно, к послеоктябрьской истории поселка и к социалистическому строительству дунган приджамбульской группы. В первой мировой войне ни на фронте, ни в тылу аулие-атинские дунгане не участвовали. Пассивными оставались они и в период киргизского восстания 1916 г. Первые проявления их политической активности относятся к 1919 г., когда более 40 мужчин среднего возраста вошли в состав дунганского кавалерийского полка революционных войсковых частей, стоявшего в районе г. Алма-Ата и принявшего участие в борьбе против белогвардейцев и кулацких мятежей. В годы борьбы с басмачеством именно дунганский отряд самообороны Джалпак-тубе преградил путь разведчикам из местной банды Паяза. Не сумев поднять местное население на контрреволюционное восстание и видя готовность его к отпору, Паяз не решился идти на г. Аулие-Ата (ныне Джамбул). Благодаря сплоченности первых поселенцев и наличию навыков коллективных форм труда сразу же после Октябрьской Социалистической революции в поселке была создана на коллективных началах махорочная фабрика с коллективным использованием земель, отведенных под посадку табака. К 1925 г. население поселка увеличилось до 100 хозяйств. В 1926 г. образовались две сельскохозяйственные артели: в северной части поселка — артель «Хытмыр», в южной его части — артель «Октябрь». В период проведения коллективизации вдоль западной дороги в Киргизию расселились дунгане, выходцы из Кульджи (часть группы, осевшей в 1882—1883 гг. в с. Александровке близ г. Фрунзе), перешедшие из с. Санлак (3 км от г. Джамбул). Они образовали поселок «Вторая Дунгановка», территориально и организационно входящий в колхоз «Пулат-Коши». В 1929 г. артели «Хытмыр» и «Октябрь» слились в колхоз «Октябрь», объединяющий все основное население с. Джалпак-тубе. Незадолго до объединения их, в связи с осевшимся недостатком земли, молодежь поселка выслелась в Киргизию (20—25 км от Джалпак-тубе) и образовала поселок Мандалак, где вскоре был создан колхоз «Кзыл-Юлдуз».

Экономически все три колхоза были первоначально однотипны. Это были комплексные хозяйства с преобладанием зерновых культур. С конца 30-х годов наметилась специализация колхоза «Октябрь», где ведущей

стала культура сахарной свеклы, и колхоза «Кзыл-Юлдуз» с основной культурой — табаком. Приусадебные участки целиком отведены под огородные культуры и посадку табака. Как известно, дунгане — мастера высоких урожаев огородных культур. В выращивании табака они не имеют соперников во всей области. В культивации сахарной свеклы с ними соревнуется ряд соседних колхозов (казахских и многонациональных по составу).

Производственный подъем колхоза «Октябрь» относится к периоду Великой Отечественной войны. В 1943—1946 гг. этот колхоз удерживал первые в области места по урожайности всего комплекса культур. В борьбе

Комсомольско-молодежная бригада колхоза «Октябрь». В центре — Герой Социалистического Труда Кутумова и орденосеица Надя Лем, в первом ряду справа — Герой Социалистического Труда бригадир Исхак Сулейманов

за высокую урожайность сахарной свеклы ведущую роль в колхозе играет комсомол. Комсомольско-молодежная бригада, дающая по всем участкам среднюю урожайность 600 ц/га, включает двух Героев Социалистического Труда — бригадира Исхака Сулейманова и звеньевую Кутумову, а также награжденную орденом Ленина звеньевую Надю Лем. Их путь к достижению высоких урожаев одинаков. Так, Надя Лем, звеньевая, начав работать в 1942 г., уже через два года добилась урожая в 930 ц/га, а в 1947 г. — свыше 1000 ц/га. Благополучие колхозников подкрепляется и наличием молочно-товарной фермы, овцеводческой фермы, конефермы. Мясопоставки выполняются колхозом за счет свинофермы, обслуживаемой корейцами. Колхоз, включающий значительное число корейских хозяйств, экспериментирует внедрение дальневосточных культур. Так, инспектор по качеству Гочжун Лем (отец Нади Лем) на своем участке с успехом выращивает чумизу, сою и др. По его данным, урожайность чумизы значительно выше урожайности кунака (местный вид проса).

В годы Великой Отечественной войны дунгане джамбульской группы помогали фронту не только упорным трудом, но и личными сбережениями. На постройку танковой колонны и эскадрильи ими собрано свыше 200 тыс. руб. На украинский и северокавказский фронты они отправили свыше 80 лошадей, брички, автомашину, пшеницу, овощи, теплые вещи (полусапожки, валенки) и т. д. Для оборудования госпиталей было собрано много посуды. В колхозе восстанавливали здоровье 40 раненых бойцов и командиров Советской армии, которые при отъезде были обеспечены колхозниками всем необходимым. За эту помощь фронту колхозники «Октября» дважды получили благодарность товарища Сталина.

Колхоз «Октябрь» многонационален. Дунгане, корейцы, казахи, уйгуры, русские единой семьей строят новую жизнь.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ДУНГАНЕ КИРГИЗСКОЙ ССР¹

В решении послевоенных задач немалую роль играет трудовой подъем народов СССР, дружной семьей осуществляющих грандиозную программу ликвидации последствий войны и развития народного хозяйства, выдвинутую новой сталинской пятилеткой. В этой связи значительный интерес представляет пример советских дунган, являющихся передовой частью дунганского народа, в массе своей расселенного за рубежами СССР.

В существующей литературе сравнительно многочисленные сведения о дунганах связаны с периодом восстания мусульман Северо-Западного Китая в 1861—1878 гг., в котором дунгане играли ведущую роль, и с уходом части повстанцев в пределы России после разгрома восстания. Исторические работы, включающие сведения о дунганах, касаются отдельных моментов истории дунган, не пытаясь проследить линии их развития. Антропологические характеристики отрывочны и описательны, историко-культурные сведения почти отсутствуют. Авторы работ о религиозных воззрениях дунган смешивают понятия «дунгане» и «мусульмане» Китая вообще. Этнографические работы (порой содержащие тщательно подобранные и точные наблюдения) касаются лишь отдельных вопросов, наиболее ярких моментов обрядности и быта дунган. Особенно бедны сведения о зарубежных дунганах.

Наиболее многочисленны изыскания в области этногенеза дунган. Попытки его решения шли по линии интерпретации филологических и фонетических соответствий этнониму «дунгане». Исходя из утверждения, что этноним «дунгане — турганы» (как их называют соседи-тюрки), являясь причастной формой глагола *турмок* (стоять, жить, оставаться), может быть осмыслен как «оставшиеся», — в дунганах видели «оставшихся в Китае» потомков арабов — носителей ислама, персов-завоевателей, тюрок-ремесленников, уйгуров, переселенных в Северо-Западный Китай в целях борьбы с цзянами (тибетцами), или же потомков осевших в Китае войск завоевателей: Александра Македонского, Чингисхана, Тимура и т. д. Иногда анализ этнонима «дунгане» подкрепляли китайской лексикой, исходя из того, что основной в наименовании мусульман Китая иероглиф имеет также смысл «обратиться», «вернуться». Были попытки выведения этнонима «дунгане» из фонетических соответствий топонимике (дунь-хуанцы — жители г. Дунь-Хуан; тунганьсу, т. е. все из Ганьсу, и т. п.).

Советские дунгановеды, отбрасывая вопрос о том, кто такие дунгане — китаизированные тюрки или принявшие ислам китайцы, а также отвергая теории об «оставшихся» или «вернувшихся», склонны считать дунган

¹ Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 21 января 1947 г. (отчет о защите см.: Советская этнография, 1947, № 2, стр. 215).

населением, относительно аборигенным для мест их нынешнего обитания (провинции Шаньси, Ганьсу, Синьцзян в Северо-Западном Китае; Чуйская долина, район оз. Иссык-Куль, стык Ферганской и Таласской долин в СССР). Анализируя этноним «дунгане», проф. С. А. Врубель интерпретирует его как *ту* + *нгань*, т. е. люди земли = оседлые. Историк-дунганин Х. Ю. Юсуров считает дунган потомками тогонов — народа, обитавшего с танских времен в провинции Ганьсу.

Материалы экспедиционных этнографических сборов 1944, 1945 и 1946 гг., ознакомление с Центральным архивом Семиречья (Центральный гос. исторический архив Узбекской ССР в Ташкенте), сопоставления с археологическими данными (раскопки г. Баласагуна, произведенные А. Н. Бернштамом) позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о дунганах как потомках китаев (киданей, каракиданей). Так, полные материалы о духовной культуре дунган (вопреки принятому в литературе мнению о них как о перемусульманах Китая) позволяют говорить о том, что ислам принят дунганами в XV—XVI вв. в форме вероучения Махтуми Азама аль-Бухари — суннитской ветви ислама. В обрядности и фольклоре дунган проявляется сильная струя преисламизма: верования в духов гор, лесов, рек, в духов болезней, в оборотней и вампиров, в Албасты и т. п., а также следы почитания предков. Пережитки буддийских представлений проявляются в орнаментике дунган, широко использующей не осмысленные уже элементы типа *бабо* (8 буддийских драгоценностей), *фо-шу* (плода в виде «руки Будды») и др.

В материальной культуре дунган, близкой к китайским или синкретичным сино-мусульманским образцам, проявляются элементы, ведущие к маньчжуро-тунгусским соответствиям. Так, в одежде, внешне китайски оформленной, но отличной по покрою (запах на левую сторону), орнаментике (большая флористичность орнамента) и по составу ее, мы находим: туфли *гаодир хэй* специфичного маньчжурского образца; ноговицы *току*, надеваемые поверх (а не вместо) женских штанов (что свойственно народам Амура); женский лиф *дудуза*, служащий для уплощения груди (обычай, ведущий к народам Ляодуна и не известный в собственно Китае), и т. д.

Жилище близко соответствует западнокитайскому типу жилого дома, с уплощенной крышей, слегка загнутой кверху, со скрытым обмазкой стен двурядным каркасом, обогреваемое лежанкой *кан*, или приближается к жилому дому востока Китая, также каркасному с двускатной же, но более крутой крышей; встречается и третий тип жилого дома, отличающийся наличием «террасы прохлады» (*лын-юань*) с фигурно формованными боковыми стенами. Крыша террасы, уплощенная, с несколько более загнутыми кверху нижними гранями, опирается на четыре столба-колонны, промежутки между которыми заполнены резным пятирядным ажурным фризом. Крыши этих домов в большинстве случаев крылись черепицей, изготовлявшейся специально дунганскими мастерами г. Суйдин (Илийский край). Тип черепицы отличен от китайской, близок к бохайским образцам и соответствует археологическим образцам из раскопок г. Баласагуна.

Стоит отметить, что дунганский кан примитивнее китайского и более соответствует баласагунским канам, а также канам народов Амура (напомним, что кан, по сведениям путешественника Юйвеня Маочжао, автора Ляо-ши, заимствуется китайцами из маньчжуро-тунгусских образцов XIII в.).

Орнаментальные мотивы фриза террасы лежат в плане буддийской и китайской благожелательной символики, повторяя в основном элементы орнамента, принятые в настенном рисунке и в *хуа янза* — трафаретах,

применяемых при вышивании. Как известно, китайцы переносят рисунок трафарета на ткань, накалывая рисунок и подсыпая сквозь отверстия накола меловую или угольную пудру. Дунгане пользуются иным приемом. Здесь трафарет накладной (т. е. подклеиваемый к ткани), его обметывают гладью, придавая вышивке рельефность. Накладной, обшиваемый или обметываемый, трафарет, по указаниям сибиреведов (С. В. Иванов и др.), свойственен народам маньчжурского круга бассейна Амура.

Лингвистически дунгане дают мало возможностей судить о докитайском периоде. Язык современных дунган ведет прямо к шаньсийскому и ганьсуйскому диалектам китайского языка. Значительные лексические различия идут от включения в лексику дунган арабо-мусульманской культовой терминологии, а также международных социально-политических терминов (в основном через русский язык). Изменения в лексике в свою очередь влияют и на морфологию и синтаксис языка дунган. Таким образом, лишь единичный факт лежит в плане наших предположений. Так, словарь киданьских слов (состоящий из 51 слова), приводимый Хауорсом в серии очерков о народах, обитающих у северных границ Китая (вып. II), включает слово *амь* — мать, объясняемое автором из норм монгольского и тунгусского языков, тогда как оно и поныне сохранилось в этой же форме у дунган-ганьсуйцев.

Киданьские соответствия облегчили бы и филологические изыскания в области этнонимии. Так, в Вэйскую эпоху под годом 471 значится известие о разделении киданей на 8 аймаков, из которых один носит название *тулугань*, что из маньчжурских соответствий означает «быстринные», т. е. живущие у порожистой части реки. У современных гольдов, по сведениям Н. А. Липской, слово *дунган* значит «верховской», т. е. обитающий у верховьев реки.

Исторические свидетельства о державах киданей (Ляо) и каракиданей (Си-Ляо), представляя, с нашей точки зрения, ранние этапы истории дунган, позволяют сделать вывод об относительной абортинности дунган в местах их нынешнего обитания (провинции Шаньси, Ганьсу, Илийский край, долина р. Чу). Захваченные волной монгольского нашествия, каракидане поглощаются ею, и позднейшие авторы считают их порой народом монгольским. Дальнейший исторический путь их почти не документирован. Известно лишь, что дунгане, селившиеся замкнутыми общинами среди мусульман Китая, были всегда резервом крестьянских восстаний (восстание Салар, восстание Ли Цзычена и т. д.). Новая история дунган начинается именно с такой мощной вспышки крестьянского движения, известной под именем восстания мусульман Северо-Западного Китая (о чем говорилось выше), являющегося по существу последней волной великой крестьянской войны в Китае — Тайпинского восстания. Дунгане были ведущей, цементирующей частью повстанцев. В ходе восстания ими были созданы независимое государственное образование — союз городов (с центром в Урумчи) и султанат в Илийском крае (с центром в г. Новая Кульджа) на паритетных с уйгурами (таранчами) началах.

Значительную роль дунгане играли и в войсках Уйгурского государства Якуб-бека. После разгрома восстания часть восставших ушла в пределы России. Несколько позже, по Петербургскому договору, переселились в Россию и дунгане Илийского края. Расселенные на неудобных, неорошаемых площадях, дунгане вынуждены были в значительной мере арендовать землю у киргизских манапов, батрачить в хозяйствах узбекских баев. В тех случаях, когда дунганская сельская община проводила оросительную сеть, финансирование работ производилось дунганскими богатеями, которым и доставался ключ к землепользованию — вода. Только

советская власть наделила дунганскую бедноту землей и открыла ей водные источники. На отведенной земле (Чуйская долина, долина Савай и т. п.) возникают новые поселки, устойчивые, растущие и крепнущие колхозы, передовые в Киргизии по ряду культур (рис, мак, хлопок).

Дунгане принимали активное участие в гражданской войне, в разгроме ряда белогвардейских мятежей, в борьбе с басмачеством. Боевые традиции и навыки боя в конном и пешем строю, передаваемые из поколения в поколение, в период Великой Отечественной войны сыграли большую положительную роль. Дунгане-колхозники, овладевая различными отраслями военного дела, занимали командные посты. Так, внук народного героя Быйянуху — тов. Быйянуху Эрли демобилизован после ранения в чине капитана. Многие дунгане, бойцы и офицеры, награждены орденами и медалями СССР. Тов. Ванахуну Мансуза посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.